

**ПРАВО И КОММУНИКАЦИЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
PROVENCHER G. DROIT ET COMMUNICATION:
LIAISONS CONSTATÉS.
RÉFLEXIONS SUR LA RELATION ENTRE LA
COMMUNICATION ET LE DROIT.
Bruxelles: E. M. E., 2013. 204 p.**

Настоящая работа представляет собой рецензию на книгу «Право и коммуникация: доказанные связи. Рассуждения об отношениях между правом и коммуникацией», изданную в 2013 г. канадским правоведом Гийомом Прованшером. По мнению автора рецензии, эта работа вписывается в круг исследований по тематике коммуникативной теории права, развиваемой профессором Квебекского университета Бьярном Мелкевиком. Не случайно профессор Мелкевик написал предисловие к этой интересной книге начинающего канадского ученого Прованшера, подчеркивая междисциплинарность и межкультурный характер исследования, результаты которого изложены в данной книге. В своих рассуждениях Прованшер демонстрирует потенциал коммуникативного подхода при обсуждении основных философско-правовых вопросов: действия права, его легитимности. Выступая за широкий подход к пониманию права и к построению методологии юридической науки, Прованшер опирается на труды Рикёра, Бурдьё и других ведущих франкоязычных философов, не упуская из вида работы мыслителей, принадлежащих к другим научным традициям, прежде всего к немецкой социальной и юридической философии (Луман, Хабермас, Тённис и др.). Рабочей гипотезой своего исследования Прованшер заявляет предположение о том, что между правом и коммуникацией есть взаимосвязь, которая выражается в наличии совместного, скоординированного действия сфер юридического и коммуникативного. Такое взаимное переплетение этих двух сфер позволяет говорить о правовой коммуникации не только как об абстрактном концепте, но и как о фактической сфере согласования взаимного поведения людей. Автор рецензии анализирует сильные и слабые места коммуникативно-правового исследования Гийома Прованшера, указывает на желательность учета исследований других ведущих специалистов по проблематике «права как коммуникации», но вместе с тем подчеркивает высокий инновационный потенциал разработок автора рецензируемой книги.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникация, коммуникативная теория права, право и язык, правовые символы, юридико-коммуникативное общество, социальная реальность права, легитимность.

LAW AND COMMUNICATION. BOOK REVIEW: PROVENCHER G. DROIT ET COMMUNICATION: LIAISONS CONSTATÉES. RÉFLEXIONS SUR LA RELATION ENTRE LA COMMUNICATION ET LE DROIT. BRUXELLES: E. M. E., 2013. 204 P.

This paper reviews the book "Law and Communication: established liaisons. Reflections about the relations between law and communication" published in 2013 by a Canadian legal scholar Guillaume Provencher. According to the review's author, this book fits into the range of research devoted to the communicative theory of law which is being developed by professor of Quebec University Bjarne Melkevik.

Not for nothing has professor Melkevik written the foreword to this interesting book of a young Canadian scholar emphasizing the interdisciplinarity and intercultural character of the research the results of which are presented in this book. In his deliberations, Provencher shows the potential of the communicative approach for discussing the main philosophical and legal issues: force of law and its legitimacy. Supporting the broad approach to law understanding and creating methodology of the legal science, Provencher relies on the works of Ricœur, Bourdieu, and other French-speaking philosophers, taking into account also the works of thinkers representing other scientific traditions, especially German social and legal philosophy (Luhmann, Habermas, Tönnies etc.). As a working hypothesis of his research, Provencher makes an assumption that there is an interconnection between law and communication. This interconnection is expressed in existence of mutual coordinated application of the legal and communicative spheres. Such interrelation of these spheres enables to describe the legal communication not only as an abstract concept, but also as an actual sphere of coordination of mutual behaviour of persons. The review's author analyses the strengths and weaknesses of the communicative and legal research made by Guillaume Provencher and points out the desirability to take into account research of other leading specialists dealing with the "law as a communication" issue. The review's author also emphasizes a high innovative potential of the developments of the reviewed book's author.

KEYWORDS: communication, communicative theory of law, law and language, legal symbols, legal and communicative society, social reality of law, legitimacy.

При обсуждении в отечественной литературе вопросов взаимосвязи права и коммуникации, коммуникативного подхода к праву отсылки чаще всего делаются на работы представителей современной немецкой философии: Юргена Хабермаса, Никласа Лумана, Вернера Кравица, Гюнтера Тойбнера и многих других исследователей, для которых характерен подход к праву как к коммуникативной реальности.¹ Нельзя, разумеется, сбрасывать со счета и англоязычных мыслителей, таких как бельгийский ученый Марк Ван Хук. Иногда следы коммуникативной философии права находятся также в русском философско-правовом дискурсе — у П. И. Новгородцева, Л. И. Петражицкого, Г. Д. Гурвича и других мыслителей.² Французская (точнее, франкоязычная, поскольку речь идет также о некоторых канадских ученых) школа коммуникативного подхода к праву на этом фоне остается у нас относительно малоизвестной. Вместе с тем уровень развития коммуникативно-правовых исследований в этой школе весьма высок, что демонстрируют, в частности, работы канадского философа права Бьярна Мелкевика.³ Символом продолжения этой научной традиции стала книга

¹ Ср.: Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб., 2014.

² Ср. постановку проблемы: Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6. С. 58–77. — Более детальный разбор этой проблематики см. в: Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. С. 171 и сл.

³ Ср.: Антонов М. В. 1) [Рец. на кн.:] Bjarne Melkevik. Philosophie du Droit. Quebec: Les Presses de L'Universite Laval, 2010. Vol. 1. 649 p // Правоведение. 2012. № 3. С. 260–268; 2) [Рец. на кн.:] Bjarne Melkevik. Epistémologie juridique et déjà-droit. Paris: Buenos Books International, 2014. 121 p. // Там же. 2014. № 2. С. 254–261.

под говорящим названием «**Право и коммуникация: доказанные связи. Рассуждения об отношениях между правом и коммуникацией**», опубликованная в 2013 г. одним из учеников профессора Мелкевика. Эта работа, написанная молодым канадским исследователем, докторантом Квебекского университета им. Лавалья и адвокатом Квебекской коллегии адвокатов Гийомом Прованшером, уже привлекла к себе внимание франкоязычных специалистов в области теории коммуникации, доказательством чему служит недавно вышедшая рецензия во влиятельном франкоязычном журнале «Вопросы коммуникации».⁴

Этот канадский правовед в своих рассуждениях демонстрирует потенциал коммуникативного подхода при обсуждении основных философско-правовых вопросов. Наряду с идеями знаменитых философов XX в. — уровня Пьера Бурдьё или Поля Рикёра, — автор рассматривает теории коммуникации, разработанные менее известными французскими мыслителями, среди которых Люсьен Сфез, Цветан Тодоров и Пьер Лежандр. Впрочем, круг чтения Прованшера весьма обширен и не ограничивается французскими авторами. Среди прочитанных и осмысленных исследователем работ есть произведения немецких, американских, испанских авторов и авторов из других стран. На страницах книги можно даже найти цитаты из А. П. Чехова (с. 24). Межкультурность и междисциплинарность исследования особо подчеркивает в своем предисловии Б. Мелкевик (с. 9–18) — она, по мнению мэтра⁵ и его ученика, является залогом правильной организации любого философско-правового исследования, противостоящего вездесущим нарративам о природе и сущности права.

Свои рассуждения о связи права и коммуникации Прованшер начинает с констатации того, что право и язык являются основными скрепами, связывающими людей друг с другом в обществе. По мнению ученого, язык и право играют схожую роль — оформление человеческой субъективности, что объясняет сопряженность их действия в той сфере, которая обозначается Прованшером как правовая коммуникация. Рабочей гипотезой своего исследования автор заявляет предположение о том, что между правом и коммуникацией⁶ есть взаимосвязь, которая выражается в наличии совместного, скоординированного действия сфер юридического и коммуникативного (с. 22 и сл.). Такое взаимное переплетение этих двух сфер позволяет говорить о правовой коммуникации не только как об абстрактном концепте, но и как о фактической сфере согласования взаимного поведения людей путем обмена информацией, сопряженных с обменом действий и их легитимации путем формирования особого социопсихического «контекста». Данный тезис канадский исследователь пытается доказать на про-

⁴ *Zetlaoui T. Guillaume Provencher: Droit et communication. Liaisons constatées. Réflexions sur la relation entre la communication et le droit // Questions de communication. 2014. N 25. P. 388–389.*

⁵ Ср.: Мелкевик Б. 1) *Философия права в потоке современности // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 527–545;* 2) *Говорите на языке «нового нарратива о праве», или О том, как политкорректность «юридически» узаконивает себя // Правоведение. 2012. № 1. С. 37–56.*

⁶ Здесь коммуникация имеется в виду в узком смысле этого термина — как обмен информацией. Далее Прованшер подробнее рассматривает понятие коммуникации и доказывает, что этот узкий смысл недостаточен для объяснения феномена коммуникации: «Коммуникация есть наука о субъекте. Она не может ограничиваться созданием и воспроизводством информации. Ей необходимо изучать также условия получения информации и то, почему получатель постепенно замещает отправителя в традиционной схеме коммуникации» (с. 67).

тяжении всего своего трактата, приходя, в конечном счете, к констатации особой сферы жизненного мира — юридико-коммуникативной реальности.

Выдвинутую гипотезу о правовой коммуникации как об особой сфере социальной реальности Прованшер пытается доказать, опираясь на принципы междисциплинарности. «Чистое» знание о праве как о силлогизме пусто и бесплодно, равно как и понимание права исключительно как факта или как ценности. Канадский правовед утверждает: «Если юрист не знает ничего, кроме законов, то он не знает и самого права» (с. 29). То же самое касается и понятия коммуникации, которое обнаруживает несколько значений и несколько измерений. Отказываясь сводить коммуникацию только к созданию и использованию информации, автор определяет ее как «существование, бытие, самоопределение, деяние и действие» (с. 31); коммуникация — это сфера, где ставится «вопрос об отношении между мною, другими и миром, а также между мною и той средой, которая меня окружает» (Там же). Диалог, посредством которого ставится такой вопрос, предполагает институционально опосредованное взаимное признание субъектами друг друга: «Коммуникация означает быть свободным, но вместе с тем признавать другого как равного себе, опираясь на связывающие нас институты» (с. 96).

Исходя из предложенного профессором Сорбоннского университета Л. Сфезом деления коммуникации на линейную и органическую,⁷ Прованшер указывает на два основных подхода к пониманию коммуникации: 1) традиционное понимание, в рамках которого коммуникация предстает как односторонний канал передачи информации от отправителя к получателю, как закрытая система; 2) интерактивное понимание, где коммуникация заключается в обмене информацией и в совместном действии и предстает как открытая система взаимодействия с другими и с окружающей средой (с. 30–31). Первый вариант понимания коммуникации, по убеждению автора, является наследием картезианской философии,⁸ которая искажает реальную картину социального взаимодействия. Тогда как второй вариант, наоборот, позволяет видеть в коммуникации базовое социальное явление, через которое получают объяснение все остальные формы взаимосвязи лиц и коллективов. В этом ключе объясняется и феномен нормативности, который раскрывает особое свойство коммуникации — «публично утверждать то, что не должно оставаться частным» (с. 113). Коммуникация при помощи права оформляет политическую связь, которая изначально существует между лицами, и в то же время устанавливает между ними дистанцию и за счет этого позволяет индивидуализацию и символизацию этой связи (Там же).

Перефразируя знаменитую фразу Гоббса, Прованшер предлагает рассматривать социальный порядок как «великий диалог всех против всех» (с. 95), в котором праву отведена важнейшая роль, поскольку социальная организация невозможна без порядка, а стабильный порядок невозможен без юридической регламентации (с. 96). Отказ от индивидуализма и ком-

⁷ (С. 35–45). Это понимание, в свою очередь, напоминает предложенное Хабермасом деление коммуникации на стратегическую и нестратегическую, которые, соответственно, служат средствами выражения инструментальной и коммуникативной рациональностей (Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 91 и сл.).

⁸ Следуя Люсьену Сфезу (ср.: Sfez L. Critique de la communication. Paris, 1988), выделенные им два вида коммуникации Прованшер связывает с двумя философскими традициями, идущими, соответственно, от Декарта и Спинозы (с. 42–43).

мунитаризма как двух противостоящих друг другу вариантов обеспечения социального порядка (либо через автономное самообязывание индивида, либо через подчинение индивида власти) является краеугольным камнем той модели правовой коммуникации, которую пытается обосновать ученый, полагая, что «основным вызовом для общественных наук в XXI в. является примирение социального порядка и индивидуальной автономии» (с. 90).⁹ В этом ракурсе автор выдвигает смелое, но в то же время спорное положение¹⁰ о том, что современная социальная структура являет собой синтез двух обществ: «правового общества» (под которым понимается институциональная организация общественной жизни) и «коммуникационного общества» (этот термин указывает на самораскрытие человеческой субъективности через диалог с другим), единство которых дает то, что Прованшер называет «юридико-коммуникативным обществом» (с. 97 и сл.). Обсуждение этого концепта представляет собой основное содержание второй части трактата Прованшера.

Сформулировав такую онтологическую картину правовой действительности, канадский мыслитель переходит к эпистемологическим вопросам, связанным с путями познания этой юридико-коммуникативной реальности. В качестве исходного звена любой коммуникации Прованшер рассматривает языковые структуры, которые делают возможным обмен информацией и само общение как таковое. Язык для него — это «разделенная структура, делающая возможным встречу индивидов, это общий фундамент, который гарантирует возможность коммуникации вообще» (с. 131). Но языковые структуры не всегда позволяют точно и без потерь передать информацию, тем более что ее кодировка отправителем и ее декодировка получателем в немалой степени зависят от контекста, в котором находятся отправитель и получатель. Поэтому важную роль в структурировании коммуникации играет процесс толкования, рассмотрению которого посвящена третья часть труда Прованшера, озаглавленная «Толкование или метод юриста».

Любое толкование «вписывается в язык, который образует границы толкования» (с. 133). Внутри этих границ толкователь имеет выбор между различными смыслами, но этот выбор не является произвольным, он определяется диалектикой между творческой свободой толкователя, с одной стороны, и рамками правил и институтов — с другой. Распознавание институционального контекста и следование правилам дискурса в рамках толкования еще не позволяют полностью декодировать информацию, передаваемую отправителем. Для этого необходимо прийти к пониманию, которое заключается в «поиске легитимности», скрытой в текстах, в «участии в общем смысле» (с. 138). Этот поиск должен проходить в дискурсивном¹¹ пространстве, которое создает смысловое пространство вокруг определенных событий, лиц и ценностей и тем самым фундирует коммуникацию.

⁹ Напомним, что эту же идею примирения (нахождения равновесия) индивидуального и публичного начал Г. Д. Гурвич рассматривал в качестве основы идеи социального права — основной философской категории его социолого-правового учения (*Гурвич Г. Д. Идея социального права* // Гурвич Г. Д. Избранные работы по философии и социологии права. СПб., 2004. С. 41–192).

¹⁰ Спорность этого положения особенно подчеркивает профессор Мелкевик в своем предисловии, указывая на его метафоричность (*Melkevik B. Penser la conjonction droit et communication* // Provencher G. Droit et communication. Liaisons constatées. P. 17–18).

¹¹ Или аргументативном пространстве — термины «аргументация» и «дискурс» Прованшер употребляет как взаимозаменяемые, не проясняя, к сожалению, такое решение.

Задача юриста в этом контексте заключается в том, чтобы «вплести свое мнение по той или иной ситуации в дискурс с тем, чтобы это мнение могло быть подвергнуто обсуждению» (с. 154). За счет этого коммуникация из простого обмена информацией превращается в социальную практику осмысленного и легитимированного общения. В области права это приводит к тому, что легитимированные тексты, наделенные определенным смыслом, приобретают нормативную силу. Перефразируя с этой точки зрения изречение Рикёра о том, что «понять текст означает оживить нашу собственную ситуацию»,¹² Прованшер утверждает, что «истолковать текст закона означает дать ему социальную жизнь» (с. 156). Так или иначе, это означает субъективизм судебного решения, обоснование судебного усмотрения, что признает и автор. Для него идеи об объективном смысле закона, о беспристрастности и истине в судебном процессе являются лишь иллюзиями, которые скрывают сложнейшую интересубъективную связь между сторонами процесса и окружающей их социальной средой. Эта среда может конструировать различные критерии легитимации дискурса; наиболее важным среди них канадский исследователь считает критерий последовательности и соотносительности по смыслу с нормативно-правовым текстом (с. 166), но степень важности может варьироваться. Ведь далеко не всегда стороны судебного процесса (либо другого правового дискурса) соглашались с тем или иным суждением только потому, что оно истинно, — согласие может быть обусловлено представлением о справедливости, выгоды, разумности некоего решения, хотя бы оно и не было истинным в смысле соответствия неким фактам или текстам. Судейское усмотрение является лишь верхушкой айсберга, в основании которого находится диалектика творческой свободы и обязывающих правил.

Все эти рассуждения позволяют Прованшеру прийти к некоторым обобщениям по поводу связи права и коммуникации, которые он приводит в заключении (с. 173 и сл.). По его мнению,¹³ основной функцией правовой коммуникации является наделение легитимностью некоторых форм дискурса/аргументации, что позволяет создать обязывающие людей модели поведения и координирующие деятельность людей институты. Но если институты и правила фиксируются в той форме, в которой были созданы, и если они начинают отставать от развития ментальности, языка, культуры и других элементов коммуникативной среды, неизбежно начинаются «пробуксовки», «закупоривание каналов» коммуникации. В этом отношении одной из основных задач юристов является постоянное «согласование», «балансировка» правовых текстов, процессов, институтов с развитием окружающей их социальной среды: «правовая система не является неизменной... она изменчива и податлива... она всегда остается предметом обсуждения» (с. 174). Между обществом, коммуникацией и правом существует сложная диалектическая взаимосвязь: коммуникация создает право,¹⁴ но, в свою очередь, поддерживается правом; социум определяет параметры коммуникации и правового регулирования, но, в свою очередь,

¹² Ср.: Рикёр П. Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 28.

¹³ Разумеется, схожие идеи уже высказывались Ю. Хабермасом, В. Кравицем, А. В. Поляковым и другими мыслителями.

¹⁴ «Коммуникация между членами сообщества позволяет учредить легитимные институты, которые делают возможной упорядоченную и мирную жизнь в обществе... и тем самым делает возможным право» (с. 174).

общество как социальный порядок образуется коммуникацией и обеспечивается правом.

Небольшая по объему книга Гийома Прованшера насыщена интересными идеями и наблюдениями. Складывается впечатление, что молодой исследователь пытается перенести коммуникативно-правовую теоретическую модель на свой жизненный мир, находя таким образом искомый многими мыслителями синтез теории и практики. Поэтому его работа имеет эссеистичный характер: наблюдения из юридической практики перемешиваются тут с размышлениями о философских концепциях различных мыслителей, идеи которых могли бы послужить для объяснения этой практики. В этом отношении основное достоинство работы — приближенность к жизненному (включая юридический) опыту автора, «экзистенциальный» характер его рассуждений — оказывается основным ее недостатком. Концепции Хабермаса, Бурдьё, Рикёра и других мыслителей, работы которых привлекли к себе внимание автора, характеризуются очень бегло и без углубления в проблемные вопросы этих концепций. Читая работу, можно получить впечатление, что между этими и многими другими концепциями нет разногласий и что все они подтверждают защищаемые автором тезисы. Но это не совсем так.¹⁵ Также автор не принимает во внимание работы М. Ван Хука, В. Кравица, Г. Тойбнера, А. В. Полякова и других мыслителей, которые в своих работах обосновывали коммуникативный подход к праву, что свидетельствует о фрагментарности проведенного им теоретического исследования. Работа Прованшера ставит ряд важных вопросов эпистемологии и онтологии права, хотя и не дает исчерпывающих ответов на данные вопросы. Но это, как кажется, и не входило в амбиции автора, который имеет возможность развить свои рассуждения на страницах будущих работ.

Антонов Михаил Валерьевич,
кандидат юридических наук,
доцент Санкт-Петербургского филиала
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Antonov Mikhail Valerievich,
candidate of legal sciences, associate professor of
the St. Petersburg branch of the National Research University
“Higher School of Economics”

E-mail: mantonov@hse.ru
© Антонов М. В., 2014

¹⁵ На это указывает и французский рецензент: «Сравнительный анализ юридических наук и теорий коммуникации имеет схематичный характер, который, как представляется, не соответствует реалиям как научного мира, так и современных обществ» (*Zetlaoui T. Guillaume Provencher: Droit et communication. Liaisons constatées. P. 389.*)